

A movie poster featuring a man in the foreground and a family in the background. The man has a beard and is wearing a dark sweater over a white tank top. The family consists of a woman with short blonde hair, a young girl with dark hair, and a baby with a bow in her hair. The background is a soft-focus indoor setting.

МАРИЯ
ЗАЙЦЕВА

МОИ

Мария Зайцева

Мои

Серия «Чужие люди», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74283821

Аннотация

– Тагир, я так не могу больше.

Она смотрит на меня, моя беда, моя самая главная проблема в жизни. Моя женщина.

И снова говорит то, что мне не нравится. То, что я не хочу слушать. Но слушаю.

– Так не может больше продолжаться, понимаешь? Ты с ума совсем сошел.

Она медлит, ждет от меня каких-то слов. А я не могу ничего сказать.

Потому что она права. Сошел.

Сразу, как ее увидел.

И до сих пор не могу прийти в себя.

Она говорит разумные, с ее точки зрения, вещи. И, наверно, хочет уйти.

Но она не понимает, что этому не бывать.

Что она моя.

Ее дочь – моя. Наш сын – мой.

Они все – мои.

И я за них готов любого на клочки порвать.

Я хочу ей это сказать, но молчу. Такие вещи не говорят. Такие вещи доказывают. Делом.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	70
Глава 12	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мария Зайцева

Мои

Пролог

- Хазар...
- Номер?
- Пять два. Но, Хазар...
- Давно?
- Час, как зашла. Хазар...
- Свободен. За мной не ходить.

Миша послушно моргает и тормозит на полном ходу. Прямо перед входом с отель, самый лучший в городе.

Потому что проверяющие из Министерства здравоохранения не останавливаются в других. Бюджет – дело такое. Его осваивать надо. По полной программе. И не отказывать себе в маленьких радостях. Таких, как покладистость местных мелких чиновников. И чиновниц.

В глазах все мутнеет до такой степени, что, кажется, башка сейчас взорвется. У меня такого никогда не было. Даже перед решающим боем когда-то, одним из самых первых. Даже перед тем судом, определившим мою жизнь на ближайшие несколько гребанных лет.

Никогда.

Хотя, нет.

Было.

И тоже связанное с этой женщиной.

Похоже, это чертова карма, как любит ржать Каз, один из двух людей, которых я могу назвать друзьями.

Я обычно не реагирую, когда он выдает такой бред, хотя в его случае реально карма сработала.

А в моем – гребанная тварь-судьба.

Всегда она меня любила. По-бабьи сильно. И жестко.

Холл, изображающий из себя что-то, типа, крутое и стильное, прохожу в два шага, и на моем пути никто не становится.

Это они правильно.

Лифт ждать невозможно долго, и я по-старинке прыгаю через три ступени по лестнице на пятый этаж. И леденею внутри все больше и больше.

Потому что, если это правда... Если это реально так, то... То я не знаю, что будет дальше. Со мной-то – похер, тут понятно. В лучшем случае, уеду на пару лет за нанесение тяжких телесных. В том, что они будут тяжкие, сомнений нет. Как и в том, что пара лет светит. Адвокаты хорошие, но не волшебники же. Да и кое-кто с удовольствием похлопочет, если так весело подставляюсь.

Я все это понимаю. Привычно просчитываю ситуацию, пока лечу по лестнице, устланной серым ковром, вверх. Прикидываю возможные развилки, последствия каждого своего решения.

И сто процентов знаю, что лучшим выходом для меня сейчас будет тупо развернуться и уйти. Просто выкинуть из головы и ситуацию, и саму виновницу всего этого дерьма. Забыть.

Но проблема в том, что есть вещи в этом мире, мне неподвластные.

И забыть, уйти, оставить её – одна из таких вещей.

Раньше я был уверен, что зацепить меня нереально.

Наивный дурак.

Вот и лечу теперь навстречу своей гребанной твари-судьбе.

И заранее все внутри сжимается от понимания, что, если реально ситуация такая, как мне ее обрисовали, то...

То это будет финал всего.

После такого ничего не будет... Даже так не особо хорошо, как раньше. И я сполна почувствую разницу между тем, что считал хреновым. И тем, что такое – в самом деле хреново...

Позади слышу тяжелое пыхтение, боковым зрением наблюдаю темную макушку Миши, одного из моих ближайших помощников. Похоже, он единственный, кто меня боится не до такой степени, чтоб не послушаться распоряжений.

Но мне сейчас свидетели нахрен не нужны. И совсем не потому, что проверяющему из министерства недолго осталось на своих двоих ходить и пользоваться тем, чем он сейчас пользуется в постели. На то, что это кто-то увидит, мне

откровенно похер. Но я не хочу, чтоб кто-то увидел... ее.

Даже если она там.

А она там. Там!

В глазах уже красное марево, и я не могу его контролировать!

На нерве и диком адреналине чуть было не пролетаю нужный этаж, и Миша тормозит:

– Хазар! Пятый!

На полном ходу разворачиваюсь и, не глядя на порядком сблестнувшего с лица парня, увидевшего мою перекошенную рожу, рву дверь с площадки на этаж.

У номера пять два тоже не останавливаюсь.

Бью ногой в район замка, и деревянное полотно устоять перед таким напором не способно.

С треском распахивается дверь, подскакивает на кровати худой голый мужик с отчетливым пивным животом.

Он смотрит на меня с испугом, а я торможу, оглядывая номер.

И все больше и больше сатанея.

Разворошенная кровать, по состоянию которой явно можно понять, что тут недавно занимались сексом.

Раскиданные вещи, мужские и женские.

Взгляд цепляется за джинсовую курточку. Голубую такую, самую обычную.

В последний раз я её в такой видел... Пару дней назад, когда она дочь привозила.

В душе льется вода.

— Кто ты такой, мать твою? — орет пришедший в себя мужик и тянется к телефону.

Я делаю шаг вперед и ногой вышибаю гаджет из слабых пальцев.

Мужик верещит, словно свинья, и валится на кровать, почему-то прикрывая хозяйство другой ладонью. Не пострадавшей от моего удара.

Все это: раздолбанная кровать, фольга от оберток резинок на полу, разбросанные вещи, шампанское и бокалы на столике, сигаретный дым, удушливый запах того, чем тут только что занимались, шум душа на заднем плане, неожиданно вызывает лютую брезгливость.

Она наваливается на меня, словно тяжелое одеяло, из тех, отсыревших, кисло пахнущих плесенью, которыми любили накрывать в детдоме.

Перед тем, как начать бить.

Я уже, кажется, чувствую удары.

Я словно возвращаюсь в свое прошлое, когда не мог ничего сделать, никак не мог отбиваться, защищать себя, слишком маленький и слабый. Слишком резко ставший никому не нужным в этом мире.

Меня сейчас накрыли плесневым тошнотным одеялом. И бьют. А мне лишь зубами остается скрипеть, скручиваясь так, чтоб удары не достигали жизненно важных органов.

Вот только бесполезно.

Уже достигли.

И эта лютая боль в сердце – тому доказательство.

Мужик уже не визжит, а скулит, похоже, перестарался я с первым ударом, пальцы ему сломал.

Позади тяжело дышит Миша, и я, вспомнив, что свидетели мне тут не нужны, нахожу в себе силы отрывисто скомандовать:

– Вышел.

Миша прекращает сопеть и понятиливо закрывает за собой раскученную дверь.

А я остаюсь стоять, глядеть на гниду, скукожившуюся на кровати.

Машинально провожу пальцами по карману, выуживаю пачку, зажигалку.

Мужик перестает скулить и напряженно наблюдает за моими действиями.

За тем, как я выдыхаю дым, пытаюсь хоть немного примириться с болью, раздирающей сердце, успокоиться.

Шум в душе бьет по нервам. Она там сейчас. Она. Там. Так...

Вдохнуть.

Выдохнуть.

– Что тебе надо? – неожиданно спрашивает мужик, – от кого ты? От Перекрестова? Я подпишу, все, что надо, я же сказал.

Я молчу.

Дышу.

Пытаюсь себя контролировать.

Смотрю, как мужик подтягивает здоровой рукой к себе покрывало.

Наверно, ему так кажется, что защита лучше.

– Или ты от Армена? Так я все отдам! Все! В следующем месяце!

Меня даже не особенно удивляет такая разносторонняя жизнь вполне себе правильного чиновника. Все в рамках допустимого. Даже если это не допустимо.

И разговаривать с ним я не считаю нужным.

Не для того я здесь.

Шум воды прекращается, и я поворачиваюсь к двери в ванную. И жду. Самого последнего, самого жестокого удара.

Давай, Аня.

Бей.

Глава 1

Когда я впервые увидел ее, то...

Нет, ничего особенного не почувствовал. По крайней мере, на тот момент я так решил.

Просто какая-то странная до охерения девка, больше похожая на парнишку. Очень смазливой, правда. Из тех, на которых школьницы пускают слюни по интернетам. Не то, чтоб я был сильно в курсе, на что там пускают слюни школьницы, но все же не в безвоздушном пространстве живу, представление кое-какое о мире имею.

Она была белобрысой, худой, в широченной серой кофте, висящей на ней мешком, и таких же мешковатых джинсах.

Почему я запомнил эту нашу первую встречу до мельчайших подробностей? А хрен его знает.

Но до сих пор, стоит закрыть глаза, и под веками буквально отпечатывается тонкая, ломкая какая-то фигурка, копна взъерошенных светлых волос, отчаянно и испуганно блестящие огромные глаза на худом изможденном лице.

Я сидел, окруженный своими людьми, в своем любимом зале, где все было сделано так, как мне нравится.

Куда не приходили посторонние, потому что все в этом городе, до последнего мальчишки, знали, что этот зал – собственность Хазара.

Отдыхал после отличного спарринга, лениво размышлял

о том, чем забить вечер... И тут появилась она.

И как-то сразу вопросы про планы на вечер отпали.

Она умела внедриться в жизнь и мозги так, что потом ни о чем, кроме нее, и не думаешь. Но это я уже потом понял, осознал во всей гребанной полноте.

А тогда...

Она боялась.

Ежилась под пристальными и заинтересованными взглядами моих бойцов. И в то же время непроизвольно вытягивала спину, пытаюсь быть храброй.

Такой смешной взъерошенный воробей.

Чирикала что-то... Вопросы задавала глупые. Про моего сына.

Сначала я подумал, что девка больная. Потом – что провокаторша, не иначе кто-то из тех, кому я в свое время плотно перешел дорогу, а таких было вагонище, да и сейчас многие с радостью на моих костях станцуют, ее подослал. Зачем-то. Дебилы какие-то, решившие, что Хазар поведется на тупой бред о несуществующем сыне.

Никаких детей у меня не было.

И в обозримом будущем не предвиделось.

Так что уроды просчитались, однозначно.

Поняв, что девка – провокатор, я заскучал и послал ее лесом.

А она не пошла, принялась упорствовать. Объяснять мне что-то про какую-то бабу, Тамару... Словно я запоминаю

имена всех баб, прыгающих с разбегу в мою постель!

Парни принялись возбуждаться, переговариваться между собой, тоже удивленные смелостью шмакодавки, и я решил прекратить театр.

Девку можно было вытолкать силой из зала, и Серый, мой тогдашний помощник, правая рука, уже прихватил ее за плечо, но в этот момент появился он... Мой сын.

Нет, тогда я еще не знал, что этот бешено оскалившийся волчонок, защищающий девчонку так, словно она – его мать или сестра, мой. Мой сын.

Просто удивился сильно, давно на меня так не бросались. И так не дерзили. И перышком сто лет уже не угрожали. Отвык!

Парень рычал что-то, пытался спрятать за своей тощей спиной девчонку, ни в какую не хотел отдавать свой ножичек, которым махал очень даже неплохо, прямо чувствовалось, мастер удар ставил и учил перо в руках держать. А потом и вовсе свалил из зала, утащив свою подружку за собой на буксире.

А я остался сидеть, переваривая ситуацию.

– Слышь, Хазар, – пробасил Вася Буйвол, задумчиво рассматривая дверь, за которой скрылась бешеная парочка, – а парень-то того... Похож!

– На кого? – пробурчал я, машинально перематывая бинты на руках и старательно пытаюсь выкинуть из головы недавнюю сцену. Что-то она напоминала мне... Кого-то.

– На тебя, епт! – простодушно пояснил Вася, и мужики вокруг, словно опомнившись, загомонили на разные лады, обсуждая случившееся.

И сходясь во мнениях, что да, похож. И чернявый такой же, и морда суровая, и глаза дикие. Все прям, как у меня, да...

Я размотал бинты, вытер голову полотенцем...

А потом кивнул Серому, чтоб подгонял тачку.

И рванул к выходу, по пути старательно вспоминая всех своих баб примерно десятилетней давности, с именем Тама-ра...

Глава 2

Если честно, в тот момент я особо не задумывался над тем, что буду делать, если мелкий волчонок реально окажется моим сыном.

Слишком уж это все отдавало сериальной хренью.

Внезапно обнаруженный через десять лет сын, о существовании которого я не знал... Да бред. Любая баба, случись ей от меня залететь, а я, кстати, за этим делом тщательно следил и никаких промахов не допускал в последние годы, тут же прибежала бы с пузом наперевес требовать бабла и сытой жизни!

В этом я был уверен, потому что женщины, с которыми я имел привычку общаться организмами, были определенного склада. Удобного для койки, но неудобного для жизни.

Я других и не хотел. Мне и так все нравилось, все устраивало.

Но этот парень...

Он и в самом деле был на меня похож.

Я сидел на заднем сиденье своей тачки и пристально изучал парочку, разговаривающую неподалеку от входа в клуб.

Мелкий, который был вообще не мелким на фоне своей subtilной подружки, что-то ей доказывал, ругался, потом прятал ножик, который она, судя по жестам, требовала от него, скалился дерзко в ответ на явные уговоры и угрозы.

Молодец, парень, есть в нем стержень.

Я бы в его годы тоже удавился, но заточку не отдал. Я и не отдавал. Разве что в живот твари, лезущей ко мне. Вот такие подарочки я запросто мог устраивать! Все в детдоме про это знали и меня особо не трогали. Даже старшаки. Опасались бешеного звереныша, без тормозов и страха.

– Посади их в машину, – скомандовал я Серому, когда парочка, видно, о чем-то договорившись, потопала в сторону остановки.

Серый кивнул, подрулил к ним и вежливо предложил подвезти.

А я наблюдал, прикидывая, откажутся, нет? Если хотят бабла от меня, то не откажутся.

Отказались.

Пришлось настоять.

В машине звереныш вел себя по-хамски, что полностью выдавало в нем безотцовщину. Только такие вот, не знающие мужского правильного примера, вырастают настолько безбашенными и не чувствующими опасности.

А девчонка...

Странная.

Вот странная очень.

Сидела, смотрела на меня, испуганно и настороженно. И капюшон на голове. В какой-то момент поймал себя на желании стянуть с нее этот капюшон, глянуть, как будет покрываться мурашками страха тонкая бледная кожа на шее...

Дурацкое желание. Неправильное. Ненужное.

Пока размышлял над этим, мелкий договорился до обвинения меня в изнасиловании его матери.

А вот это уже было интересно...

Я кинул внимательный взгляд на изумленную рожу Серого, прекрасно понимающего, что это за обвинение и насколько это запахло для такого, как я, и приказал рулить к матери пацана.

Имени я ее до сих пор в памяти не отрыл, а вот глянуть на бабу, бросающуюся такими обвинениями, было нужно.

Пока ехали, смотрел на мальчишку, прикидывая, сколько ему лет. И как бы выглядел в его возрасте я.

И приходил к выводу, что, если это подстава, грамотно разработанная теми, кому я поперек горла, то очень даже дельная.

Потому что парень реально похож. И очень даже. Не только внешне, а вот чем-то таким... Малоуловимым, но очень конкретным.

Девчонка, которую мелкий называл Аней, переводила взгляд с меня на него, и тонкие ноздри аккуратного носика нервно подрагивали. Тоже замечала мои рассматривания? Интересно, если она – наводчица и одно из действующих лиц, то какие дальше должны быть шаги?

Разжалобить меня?

Залезть в карман?

В постель?

Последнее – вряд ли, очень уж не в моем вкусе девка.

Я глянул на тонкие пальцы без намека на маникюр и острые коленки, обтянутые мешковатыми джинсами... Нет, не в моем.

Да и вообще... Не о том надо думать...

Через пятнадцать минут, глядя на неопрятную пьяную бабу, сидящую на грязной кровати в грязном клоповнике, смердящем всем, чем только может смердеть такая дыра, я изучал грубое одутловатое лицо в очередной раз за день пытался нарыть в памяти хоть какие-то моменты. Хоть немного узнавания.

И не находил. Столько их было за эти годы... А эта еще и изменилась, судя по всему, сильно.

Пьянство мало кого красит... Теперь при всем желании, если и было у нас что-то десять лет назад, то ее не узнать.

А вот она меня узнала.

И, судя по всему, все это время помнила. И проклинала.

Что-то я ей сделал плохое там, в далеком прошлом. Что-то, чего и сам не помнил. Ну... Я много чего творил, всего реально не воскресить в памяти.

Но вот чего точно не было, так это изнасилований.

Мне такие вещи всегда без надобности были, развлечения как-то сами собой в кровати организовывались...

И вообще не представлялось, что такого должна сделать баба, какой она должна быть. что я ее силой захотел взять.

Это вообще настолько невозможно, непредставимо было,

даже без учета того, что там, где я провел несколько интересных лет жизни, за такое сильно наказывали и под шконку загоняли, что я и не думал о том, что мать мелкого может говорить правду.

Нет, мне надо было узнать, какого хера она придумала эту ересь. Кто ее надоумил?

Кто захотел меня подставить таким тупым способом.

В конце концов, даже если она решит повопить об этом на весь город, то... У нас не Америка, а я не Трамп, чтоб за слова какой-то дурной бабы в суде ответ держать...

Конечно, перед пацанами неудобно было бы, пришлось делать телодвижения, чтоб это все опротестовать. Отвлечься от проекта... Может, на то и расчет? Отвлечь меня?

Правда, мамаша очень скоро призналась, что все придумала для того, чтоб сыночка папку посильнее возненавидел... Зачем-то.

Я, честно, так и не понял, зачем.

Обидел я ее тогда, десять лет назад... То ли прогнал из кровати, то ли, наоборот, не прогнал... Кто его знает?

Бабы... Странные существа.

Не зря я их в жизнь свою не пускаю.

Не пускал...

Пока я разговаривал с матерью пацана, Серый прошелся по халупе, собирая доки и кое-какой биоматериал для теста.

Потому что, если проверять, то до конца.

Баба, поняв, что я никак не проникся ее трагедией, снова

принялась проклинать меня, развалившись на грязных простынях, а я думал о том, что, наверно, хорошо, что я в детстве рос. А не в этом вот всем. Потому что неизвестно, кем бы я стал, если б остался там, откуда меня забрали после гибели родителей...

А там местечко было похуже, чем это. И тараканов побольше, да.

Уяснив, что здесь, кроме проклятий, больше ничего не дождусь, я скомандовал Серому сваливать.

В любом случае, сначала я выясню, реально ли это мой сын, а потом уже буду собирать этот гребанный пазл.

Девка Аня ожидаемо удивилась. Она, наверно, ждала, что я тут сейчас финальчик “Ищу тебя” устрою, со всеми положенными девайсами: объятиями, поцелуями и “как долго я тебя искал”.

Вероятно, именно это развитие событий и было описано в ее сценарии.

Но я всю жизнь любил ломать чужие сценарии.

И вот сейчас, глядя на смутно белеющую за стеклянной дверью тонкую длинноногую фигурку, я думаю о том, что этот сценарий я не смогу сломать.

Сыграю так, как хочется им.

Ей.

Но прежде в глаза посмотрю.

Напоследок.

Чужие сценарии строятся ловко.
И в них не ломается логики нить.
И, как перед осликом глупым морковка
по струнке ведет. Чтоб однажды убить.
А я не ведусь, я смотрю и решаю:
Мне надо-не надо сыграть в поддавки?
Как будто колоду крапленых мешаю
На всякий волюну держа у руки.
И взгляд твой невинный – он тоже сценарий
Один из немногих, что мне по душе.
И мы поиграем.
Смотри, я играю.
Затвора щелчок.
Я играю уже.

27.09.24. М. Зайцева

Глава 3

– Мужик, – снова отвлекает меня от болезненного всматривания в мутное непрозрачное стекло душевой сидящий на кровати в позе застигнутой родителями невинной барышни в момент растления круглопузый покоритель провинциальных чиновниц, – давай договоримся...

Я молчу.

И не смотрю на него.

Вот Аня выйдет, я ей в глаза загляну... И тут уже в зависимости от того, что именно там увижу.

Понятно, что герой-любовник одной отбитой ладонью не отделается в любом случае, но много зависит и от другой стороны...

Вдруг, это любовь, а? В таком случае министерство со своим сотрудником простится навсегда. Я им просто землю удобрю. У нас тут, в провинции, земли много. Плодородной. На всех московских чиновников хватит и еще на заграничных останется.

А Аню...

Моргаю, убирая с глаз мутную пелену, сжимаю губы сильнее.

И понимаю со всей четкостью, которая в этот момент кристальная, прозрачная: ничего я ей не сделаю. Никогда. Ни за что. Она... Это она.

Но это не значит, что я позволю еще... Что позволю.

Дверь душевой открывается, и в облаке пара появляется голая худощавая фигурка.

Невысокая, стройная, с короткими, торчащими в разные стороны, светлыми волосами.

У меня в этот момент словно кулак в груди сжимается. Так больно! Едва сдерживаюсь, чтоб не заорать.

Щурюсь, сминая сигарету в кулаке, туша ее о ладонь и вообще не чувствуя боли.

Потому что это не боль. Реальная боль – она другая. Другого уровня.

Когда-то я думал, что знаю все о градациях боли.

Я ошибался. Опять.

Перед глазами плывет картинка, и, наверно, это хорошо, что я не вижу Аню во всей четкости. Спасение. Для них.

Напряжение во всем теле доходит до максимума, еще чуть-чуть, и я в камень превращусь, реально!

Неосознанно подаюсь вперед, сжимая кулаки добела...

И в этот момент слышу хриплый прокуренный голос:

– На двоих не договаривались! Доплачивай!

Не веря тому, что слышу сейчас, пристальней всматриваюсь в женщину, и не подумавшую прикрыться при обнаружении в комнате постороннего мужика, а, наоборот, бесстыдно выставившую все свое сомнительное богатство на обзор нового зрителя. И, если я правильно понимаю, потенциального клиента.

Она невысокая, да. И худая. И сейчас видно отчетливо, что худоба ее – болезненная, неприятная. И кожа местами дряблая, особенно в районе груди и бедер. Волосы, короткие, светлые, отдают дешевой желтизной.

И лицо...

И вообще.

Как я мог ее принять за Аню? Даже в матовом непрозрачном стекле? Даже по силуэту?

Где мои глаза?

Где мои мозги?

Где моя, наконец, чуйка?

Все еще не дыша и судорожно сминая в кулаке сигарету, снова оглядываю комнату, подмечая те детали, на которые раньше не обратил внимания: куртка, да, джинсовая, но вообще не Анина, только чуть-чуть похожа. И туфли на каблук, дешевые, пошлые, валяются у кровати.

Моя Аня не носит каблуки.

Единственный раз, когда я увидел ее в туфлях, закончился погоней, бегом по пересеченной местности и бешеным сексом. Первым нашим сексом.

И, наверно, прыгая за мной тогда ночью по кочкам русского поля, Аня от всей души благодарила меня мысленно за то, что заставил ее в тот вечер надеть каблуки...

Уже по одному только этому воспоминанию, по той головокружительной картинке, возникшей в моей голове, картинке того, как Аня, одетая в короткое платье и туфли на

каблуках, медленно, чуть покачиваясь, идет в сторону моей машины, я понимаю, что отпускает.

Что сегодня я никого не убью.

А перед глазами все вертится нон-стопом картинка, как вышла она из дома, чтоб отправиться на первый наш с ней неудачный светский прием.

Лицо Ани, хмурое, напряженное, чуть испуганное.

Ноги, длинные и гладкие, глаз не оторвать.

Верх платья, мягкий, на тесемках.

И всем присутствующим в тот момент во дворе мужикам было явственно видно, что белья у нее под платьем нет... А я готов был тогда убивать. Моих друзей убивать только за то, что они пялились на нее. Не скрывая того, что хотят. Хотят то, что принадлежит мне. И давно. Пусть она еще не в курсе, но... Она уже тогда была моя.

Она до сих пор моя.

И черт...

Как же легко становится!

Воздух, по-прежнему спертый и отвратный, словно очищается!

– Хотя... – женщина подходит ко мне, неприятно, бесстыдно голая, заглядывает в лицо, кладет худую ладонь на грудь, – я могу и так... С тобой – вообще просто так...

Я беззлively скидываю ее пальцы с пиджака, разворачиваюсь и молча иду к выходу.

Тут мне делать нечего.

Позади что-то визгливо кричит опомнившийся и осознавший, что его сегодня не будут убивать, мужик, что-то ему вторит обиженная женщина, но мне плевать.

На меня такое облегчение накатывает, что, кажется, если подпрыгну, то реально взлечу сейчас!

Ее тут нет!

Ну, конечно, ее тут нет! И быть не может! Это же Аня!

Беда моя вечная, заноза в сердце чуть ли не с первого дня нашего знакомства! Гордая, бедовая, честная до скрипа зубовного!

Она никогда в жизни, ни за что бы здесь не оказалась! По крайней мере, по своей воле! Как я мог поверить? Хоть на мгновение? Хоть на долю секунды?

В голове вертится своевременная мысль, что это все отдает болезнью, и мне бы надо что-то с этим делать, но я ее пока загоняю в дальний угол сознания.

Сначала я сделаю кое-что с теми, кто меня сюда навел.

И кто посмел дать неверные сведения об объекте наблюдения. Потому что если они лажанули, говоря, что она здесь, а она не здесь...

То где она?

Конкретно, в эту минуту?

Глава 4

Возле двери с той стороны стоит монументальной горой Миша.

Выражение простоватой физиономии самое зверское, я так думаю, что, если за время моего... “разговора” с чиновником и его бабой тут хоть кто-то обозначался, из гостей или прислуги, то Миша их пугал одним только взглядом. Вероятно, даже мухи боялись мимо пролетать.

Миша поворачивается ко мне, быстро осматривает, особе внимание уделяя рукам, чуть-чуть поднимает брови, словно изумляясь тому, что нигде следов крови нет, затем вытягивает шею, заглядывая мне за спину, поднимает брови еще выше, становясь при этом жутко похожим на старую черепаху, нашедшую кусок дерьма вместо морковки. Ну да, учитывая, в каком состоянии я сюда зашел, то удивление понятно: крови на кулаках нет, в номере все живые и даже в сознании... Чудеса на виражах. Был такой мульт в моем детстве. Очень мы его в детдоме уважали.

Я, не останавливаясь, прохожу мимо Миши, по коридору, и мой помощник, придя в себя, тут же захлопывает дверь номера, запирая снаружи начавшего визжать на одной ноте мужика и матерящуюся женщину, и тяжело топает за мной, на ходу подстраиваясь под мой шаг.

– Жеку ко мне, – начинаю отрывисто командовать я, снова

пренебрегая лифтом и сбегая вниз, по лестнице, – набери Казу... Так, отставить Каза, – вовремя вспоминаю, что мой друг как раз свалил из города на какую-то выставку в Европу со своей художницей. Так неудачно, черт!

– Сонного, – делаю выбор я в пользу самого жесткого из моих подчиненных. После Каза и Ара, конечно же.

Каз бы тут подошел идеально, у него чуйка, как у дикого зверя, на опасность и всякие возможные подставы. Но художница же... Он с нее глаз не сводит, и вопрос о том, отпускать ли ее одну на выставку в Европу, вообще не стоял. Я его в этом понимаю и поддерживаю. Сам бы никуда Аню не отпустил.

Ар, второй мой друг, еще с далеких детдомовских времен, вообще теперь сложно доступен, потому что живет за городом и счастливо воспитывает двоих мелких пацанов. Таких же светловолосых крепышей, как их папаша, с яркими глазами и проказливыми улыбками. Это у них в мамашу, тонкую рыжую Ляльку.

Ар по-прежнему работает у меня, рулит всей аналитикой и не только ей, потому что не просто подчиненный, а, как и Каз, партнер по бизнесу. Но работает удаленно, из дома. И сорвать его с места как раньше, в течение получаса – теперь абсолютно нереальное дело.

Я, в очередной раз, жестко ощутив нехватку кадров и нормальной поддержки за спиной, лишь сжимаю зубы, проворачивая в голове дальнейший порядок действий.

Сонный рулит всей безопасностью, причем, внутренней, не внешней. За внешнюю как раз Жека отвечает. Это он сегодня мне скинул информацию по Ане. Вместе с фотками, где четко просматривалась именно моя женщина, заходящая в этот отель. И в этот номер. Со спины. И второе фото, у номера – вообще нечеткое.

Да и не вглядывался я во второе, так, лишь мельком. Потому что к тому времени настолько кровь в башку ударила, что себя перестал ощущать человеком.

Попер на таран, как дебил.

И вот теперь страшно интересно, кто же мне это все устроил?

Но первый вопрос: где Аня?

Она заходила в отель, это сто процентов!

– Сонный пусть людей возьмет, продолжаю инструктаж сопящего за спиной Миши, – всех людей Жеки под наблюдение. Вкруговую.

Миша вопросов лишних не задает, и я уверен абсолютно, что все мои распоряжения прямо сейчас уже выполняются.

Потому что Миша лишь исключительно внешне кажется тугодумным слонярой. А в реале – это очень даже шустрый и, главное, умный мужик, умеющий тонко чувствовать момент и выстраивать такие схемы, которым даже я иногда удивляюсь.

Вылетаю в вестибюль, на ходу проверяя в телефоне место нахождения Ани и лишний раз удостоверюсь, что она здесь,

в здании. Но где? Какого хрена происходит?

По коже бежит мороз, потому что я понимаю, что что-то упускаю. В последний раз, когда я вот так упустил ситуацию... Я едва не упустил Аню.

Еще беременную моей дочерью.

Аню и моего сына, Ваньку, тогда прихватил один сумасшедший придурок, решивший, что он – царь и бог не только в своем городе, но и в моем тоже.

Прямо от крыльца больницы, где Аня работала, а Ванька в гости к ней пришел!

Те часы, когда я не думал даже, нет! О таком не думают, чтоб не случилось, даже мысли не допускают, что что-то может случиться, что...

Те часы я не вспоминаю.

Слишком страшно.

Я думал, что знаю все грани страха. Я ошибался.

Момент, когда я нашел ее, в том гребанном подвале, лежащую, свернувшись в клубочек, и казавшуюся совершенно, окончательно мертвой... Это был тот самый, страшный момент в моей жизни...

Я не знаю, что было бы со мной, если бы она погибла.

Я до сих пор не хочу даже на полсекунды задумываться об этом.

И сейчас не думаю, нет.

Просто привычно запираю внутри себя яростного, бешеного зверя, готового крушить все вокруг, без разбора, и за-

стываю. Снаружи.

Миша, прекрасно зная меня в таком состоянии, благоразумно отступает на пару шагов в сторону.

Услышать меня – он и оттуда услышит, а стоять под стрелой ни у кого желания нет.

Я все еще гипнотизирую пульсирующую точку джипиэс на экране, когда неожиданно улавливаю движение чуть в стороне, краем не глаза даже, сознания, замечаю знакомую хуленькую фигурку в знакомой джинсовой крутке...

Резко вскидываю взгляд.

Аня...

Глава 5

Она стоит в нескольких метрах от меня, удивленно распахивает ресницы, явно не ожидая нашей встречи.

А я, судорожно охватив взглядом ее всю: от носков белых кроссовок и потертых штанин джинсов до взлохмаченной светлой макушки, ловлю в фокус вывеску на двери позади Ани.

Салон красоты “Электра”.

Салон красоты, мать ее!

И Аня, судя по всему, именно там была! Все это время!

Детали головоломки с треском складываются в голове, напряженно-недоуменный взгляд Ани служит одновременно хорошей такой пилюлей от бешенства и катализатором для него же. Только в другом полюсе.

– Тагир Хасанович, – несется ко мне от стойки ресепшен мужик в костюме, видно, управляющий этого шалмана, или даже владелец, судя по тому, что в лицо опознает, – какая приятная неожиданность! Желаете воспользоваться услугами нашего отеля? Прошу в вип зал, пожалуйста!

Надо же, в наших колхозах принялись активно перенимать опыт столичных заведений и делать отдельные залы ожидания и регистрации для тех, кто может себе позволить вип-обслуживание. Интересно, насколько сильно там все пылью заросло, учитывая количество этих самых випов

на квадратный километр нашей лесостепи?

Смотрю на Аню, уже сложившую руки на груди и сурово сдвинувшую брови...

А вот сейчас и проверим.

– Тагир... – начинает Аня, когда я делаю шаг к ней, молча подхватываю за локоть и силой заставляю идти в сторону темной двери с неприметно и дорого сияющей табличкой “VIP”. Благо, все рядом.

– Тагир Хасанович... – немного растерянно блеет нам вслед управляющий, топая за нами, но перед дверью его тормозит понятливый и привычный ко всему Миша:

– Стоять. Тагиру Хасановичу надо поговорить с девушкой.

– Но...

– А мы тут поговорим. Что ты там хотел спросить?

Дальнейшие звуки от нас отрезает наглухо закрывшаяся дверь.

Хм-м-м...

Хорошая звуконепроницаемость. Хотя, даже если б тут картон стоял, мне было бы откровенно плевать.

– Тагир! – Аня приходит в себя и дергается, пытаясь вырваться, – ты с ума сошел, что ли? Что ты тут делаешь вообще?

– У меня тут встреча, – коротко информирую ее, не собираясь даже реагировать на нелепые и всегда заводившие меня сверх меры попытки освободиться.

– С кем? – Аня все еще не понимает, как сильно попала сейчас, и пытается бодриться и бороться.

– С тобой, – говорю я и притягиваю ее к себе, чтоб наконец-то сделать то, что хотелось с того самого момента, когда увидел ее, растерянную, замершую около дверей салона красоты. Поцеловать.

И словно небо на плечи падает, настолько все вокруг теряет цвет и фокус!

Ничего нет сейчас вокруг нас. Никого. Ни одного звука, ни одного светового пятна.

Только черная, абсолютная, сводящая с ума своей жадностью и вседозволенностью жажда.

Я хочу эту женщину.

Всегда хочу.

Постоянно.

И когда началось это безумие, я точно знаю.

В самую первую ночь, когда только привез ее и Ваньку в свой дом.

Мы тогда, после “знакомства” с Тамарой Пересветовой, попрощались с Аней и несколько не удивленным таким решением пацаном, и погнали на всех парах в лабораторию. Понятное дело, что экспресс-анализ на днк делается не за пару часов, потому требовалось время.

И я его не собирался терять.

Если пацан мой, то жить он будет у меня. Это без вариантов. В тот тараканник, к пьяной бабе, которая его родила, он

точно не вернется.

Это если мой.

А если не мой... О-о-о... Тут море вариантов, на самом деле. Кто прислал, кто навел, кто нашел такого похожего? И бабу эту, совершенно пьяную, это было очевидно, что не играла она, но меня сходу опознавшую.

И кому это надо?

И для чего?

Хотя, на два последних вопроса у меня были примерные ответы.

У меня как раз наклеывался серьезный бизнес с заходом через местную администрацию... И мосты там были наведены давно и прочно, и люди прикармлиены, так что местное советское наследство, завод по переработке щебня, до сих пор перебивавшийся лишь подачками от государства, должен был в скором времени перейти ко мне.

Конечно, такой лакомый кусок многим хотелось, потому что при правильном использовании там много чего можно было сделать, да и не такой уж он убыточный, этот завод, скажем прямо... Цифры всегда любые нарисовать легко, было бы желание...

Мне этот завод не особо был интересен, и без того полно всего, до чего еще толком руки не дошли, но, если не мне, то ушел бы он Шишку, местному выползку из девяностых. При чем, выползку самого гнилого пошиба, из тех шакалов, что дождались, пока основных спровадят на кладбище, и ухва-

тили то, что плохо валялось.

При должной шустроте ухватить можно было много тогда. Шишок был очень шустрым.

А еще за Шишком стояла Москва.

И вот этого допустить нельзя было никак. Расширение сфер влияния – гадость та еще. Один заводик отдашь, потом еще один, потом комбинатик по переработке отходов... А потом смотришь, а в разных местах города и области, как грибы-поганки, растут уже чужие предприятия. И бабло эти предприятия отчехляют в столицу, которой, как всегда, мало любого бабла, и хочется все больше и больше. Столичные ставленники, влияющие на местный бизнес, столичные ребята, залезшие в администрацию...

И через пару лет ты, Хазар, уже не хозяин города, а не пришей звезде рукав. И тебе разве что в рожу не плюют при встрече. И, самое главное, что нихрена ты с этим не сделаешь, просто потому, что прошли уже те самые веселые года, когда кровью, яростью и кулаками железными зарабатывал себе репутацию, имя и друзей.

Теперь такое не прокатит.

К сожалению.

Цивилизованное время, мать его.

Просто так стрелять нельзя, не поймут.

Так что я всегда держу руку на пульсе, а ствол – с досланным патроном. Просто, чтоб успеть.

Нелепая парочка, внезапно нарисовавшаяся на моем пу-

ти, могла здорово отвлечь от дел.

Если у тварей, копающих под меня, именно на это и был расчет... То они однозначно просчитались.

Я, конечно, не Цезарь, но вполне себе многозадачный.

Могу одновременно вопрос с неожиданно возникшим в моей жизни ребенком решать и глотки давить тем, кто хочет этим воспользоваться... И на все сил хватит. И времени...

Вот только времени мне как раз и не хватило тогда.

Еле успел.

Глава 6

Воспоминание о том, как увидел возле дома, где, по имеющейся наводке, должны были сидеть мой сын и та странная девка, что по какой-то причине вписалась его воспитывать и спасать, торпед Шишка, до сих пор у меня вызывает жесткий ступор.

Короткий, конечно, потому что много времени, чтоб в себя прийти, мне никогда не требовалось, но, черт...

Сама мысль, что я мог тупо опоздать, задержаться, почему-то наивно думая, что сын, который реально оказался моим сыном, тут тест был вполне категоричен, никуда от меня не денется... Эта мысль тупым ржавым гвоздем сидит до сих пор в башке, рядом с такими же похожими, но еще более тупыми. И еще более ржавыми.

Все же, зря я ругал когда-то свою судьбу, ненавидел ее даже, думая, что жестко она надо мной поглумилась, забрав единственных близких мне людей, бросив в детдом, лишив всего, что дорого было.

Она мне с лихвой за эту насмешку отплатила, подсовывая море возможностей, которые только и успевай хватать.

Я успевал.

И там тоже успел.

Торпеды Шишка не ожидали, что их у домика старого во-ра Тихого, о котором у нас в городе легенды ходили, встретят

не испуганная девка с пацаном, а я с Серым... Не повезло им, что ту сказать... А мне – повезло.

И нет, когда я увидел ее, напряженно всматривающуюся в проем двери и пытающуюся закрыть моего сына от опасности своей худой спиной, это тоже не завело.

Что-то похожее на уважение... Да, испытал. Но не больше.

В конце концов, торпеды могли ошиваться в саду Тихого для полноты картины, чтоб меня еще больше запутать... Сын мой, да, вопрос с его местонахождением возле меня – дело решенное. А вот вопрос с его добровольной нянькой...

Про нее тоже сведения мне к тому времени принесли.

И ничего в них такого не было, за что можно было бы зацепиться... Разве что... Детдом? Не такой, как у меня, конечно же, куда более благополучный, спокойный, но все-таки, все-таки...

Да и попала она туда в сознательном вполне возрасте, до этого жила с дедом и бабкой. И из детдома вышла не в свободный космос, как я и мои друзья, а в свою квартиру, которая ей досталась по наследству. А дальше... Медицинское училище, работа в реанимации... Место работы не меняла. В самой больнице слухи самые разные о ней ходили, кстати... И о том, что спит с начальником отделения, и еще с врачом-реаниматологом, и о том, что характер неуживчивый. Но по самой работе нареканий не было. Кстати, там, при больнице, работал сторожем, плотником, электриком и всем остальным подсобным рабочим тот самый легендарный во-

ра Тихий, в свое время гремевший на всю страну, как лихой налетчик, а потом как мастер ножей. Его перышки, легкие, верткие, бритвенно-острые, славились среди людей, умеющих ценить качество.

Я и не знал, что он все еще живой, настолько давно уже ничего не слышал о нем. Думал, что пропал, как многие из них, старых законников, не признавших новых правил, новых хозяев жизни, пропадали. А он, оказывается, все это время тихо жил, вор Тихий... И недалеко от меня.

К тому же, сына моего привечал, вот уж сюрприз. А еще прикрыл его, рискнув своей старой седой головой, получил по ней и валялся в больнице с сотрясением.

А девчонка с моим сыном прятались в его хибарке. От кого? От Шишка? Когда они успели ему дорогу перейти?

Информации по этому моменту у меня не было. Пока.

Мотивы Тихого, внезапно решившего рискнуть собой ради чужого пацана, тоже были неясными, и мне следовало еще в этой стороне порыться, но уже потом.

Сначала необходимо было забрать сына. Потому что, совершенно неважно, с какой целью его нашли и мне подсунули. Главное, что не ошиблись. И этот дерзкий щенок, так нагло и знакомо щерившийся на меня при первой встрече, реально мой. Кровь моя. А это много для меня значило. И значит.

Девку с пацаном мы с Серым, после разборки с шишковскими торпедами, забрали из той развалюхи и отвезли в мой

дом.

Потом я уехал, разбираться с внезапно свалившимися на меня новыми обстоятельствами, и усилил охрану дома на всякий случай.

Вернулся ближе к вечеру, предварительно побывав у Тихого в больнице, но так ничего толком и не выяснив.

Мелкого пронаблюдал издалека, на участке, плавающим в бассейне. Счастливым и беззаботным, какими только могут быть мальчишки в десять лет.

А девку...

Девку нашел в библиотеке, в кресле.

Спящей.

И вот тогда меня и накрыло.

Смотрел на нее, такую мелкую, практически утопающую в большом мягком кресле.

Смотрел и не мог взгляд отвести.

Она спала, чуть повернув голову набок, короткие светлые волосы в беспорядке упали на лоб, закрыв глаза. Губы, неожиданно четкие, красиво очерченные, жалобно подрагивали, словно во сне девчонка видела что-то не очень хорошее.

Я стоял, потом присел на корточки перед ней, оказавшись на одном уровне с лицом, наклонился и, не удержавшись, вдохнул запах волос, поразивший меня в тот момент своим тонким и в то же время будоражащим ароматом. Ни одна из моих баб так не пахла. Я понимал, что это – не духи, крем

или что там еще, чем бабы мажутся обычно. Нет, этот запах, свежий, чистый, с тонкой нотой чего-то медицинского, острого, был именно ее, девчонкин.

В этот момент она повернулась, умащаясь поудобней, сглотнула, и я увидел, как дернулась тонкая длинная шея. А еще увидел татуху, прямо возле уха, чуть снизу. Ничего особенного, абстракция какая-то, несколько треугольников, едва намеченных, изящных.

Я не любил рисунки на женщинах.

В той среде, из которой я вышел, любой рисунок на теле что-то значил. И одновременно клеймил. У меня тоже хватало таких оттисков прошлого опыта. От некоторых я бы с удовольствием избавился... И потому люди, добровольно наносящие себе на кожу татуировки, толком не понимающие их значения, меня раздражали. Слишком много в нашем мире зависело от случая...

Я знал мужика, которого убили на пляже гопники просто за то, что у него на плече была набита русалка – очень нехороший знак, с которым в зоне ему пришлось бы несладко... Но тот мужик был моряком, в их мире русалка ничего не значила. Очень глупая смерть, просто из-за тупого рисунка на коже.

Потому меня удивило мое желание коснуться странных треугольников на длинной нежной шее девчонки.

Удивило, но не остановило.

Я протянул руку и провел пальцами по коже, мгновен-

но под моими прикосновениями покрывающейся мурашками... Я до сих пор помню это ощущение. До сих пор подушечки пальцев покалывает тем самым первым, фантомным касанием. И удовольствием, прострелившим по нервным окончаниям.

Она спала, маленькая, испуганная. Беспомощная. В моем доме. В моем кресле.

И я мог с ней все, что угодно, сделать в тот момент.

И один бог знает, как мне было трудно сдержаться!

Я, забыв про все на свете, гладил и гладил ее шею, наслаждаясь нежностью, какой-то невинной совершенно прозрачностью и отзывчивостью. Мне казалось, что от моих касаний даже кровь стала быстрее бежать под этой хрустальной белизной.

Смотрел на свои пальцы, такие темные, на контрасте с незащитной светлой кожей. словно захватчик, разбойник, в любой момент готовый смять эту хрупкость. Подчинить. Так легко было перехватить тонкую шею, чуть сжать, давая почувствовать, кто тут хозяин. Кому тут все принадлежит.

Девчонка, словно ощутив присутствие зверя, жалко дернулась, не просыпаясь, и я убрал пальцы.

А потом и вовсе отстранился, сел в кресло напротив.

От греха подальше.

И так сидел, смотрел, как она спит.

Анализировал свое помрачение, свое ненормальное совершенно желание сделать что-то такое с ней, совершенно

мне ненужной, странной и, вполне вероятно, опасной женщиной.

И думал, что она — опасна для меня.

Слишком легко как-то теряется контроль, когда она рядом. В доступе.

И надо с этим что-то делать.

Снаружи бегал мой сын, с существованием которого я примирился головой, но еще не сердцем.

Снаружи шумел большой и враждебный мир, в котором я больше не был один.

И с этим тоже требовалось что-то решать.

А потом девчонка проснулась.

И испугалась.

Вкусно очень.

И я подумал, что хочу ее.

Просто хочу.

В свою постель пока что.

А если хочу, то почему бы и не взять?

Вот только надо решить, как ей об этом сказать. Чтоб не спугнуть. Хотя... У меня был опыт в решении таких вопросов, и никаких сложностей я тут не видел.

В конце концов, все продается и покупается, не так ли?

Каким наивным идиотом я был, надо же...

А судьба в очередной раз решила пошутить. Вот только мне до сих пор не смешно ни разу.

Глава 7

Аня в моих руках сначала застывает, словно камень, а затем, осознав происходящее, пытается выворачиваться, упирает ладони в плечи, мычит сквозь поцелуй что-то протестующе, но я проявляю упорство.

Я уже слишком хорошо ее знаю, чтоб просто так опускаться и сдаваться.

Если бы делал так с самого начала, то вообще бы ничего не было у нас! И Аленки бы не было.

И нас бы тоже не было.

А мы есть.

Мы сейчас, несмотря ни на что, есть.

Да, я – тот еще паранойик, что вообще не удивительно, учитывая, сколько раз за время нашего с ней знакомства, успевал буквально в последний момент. Тут спасибо судьбе, конечно, да.

Но ощущение, что постоянно над пропастью, постоянно в жестком цейтноте, сводит с ума.

И сегодня я в очередной раз свихнулся.

Информация, что Аня поехала в отель на встречу с чиновником, буквально позавчера прибывшим в город для проверки именно той больницы, где моя женщина работает старшей медсестрой детского отделения, прилетела прямо во время деловых переговоров с новыми партнерами. Они мне не нра-

вились, эти партнеры, слишком уж уши нового губера торчали из-за их спин, но реалии сейчас таковы, что нужно договариваться, а не воевать.

Про чиновника я знал, естественно, я всех новых людей, крутящихся рядом с моими близкими, пристально изучаю.

Аня уже привыкла к постоянному контролю, к тому, что в фойе больницы сидят мои люди, что за садом Аленки, школой Ваньки приглядывают двадцать четыре на семь.

Поначалу она, конечно, кривилась, но не сопротивлялась никогда, проявляя редкое для женщины здравомыслие.

Вот только запрещала мне лезть в ее работу, в отношения с начальством, недавно, кстати, сменившимся. На место офигенного мужика, реально очень крутого детского хирурга, пришел другой заведующий.

И, естественно, новая метла тут же принялась выметать всех неугодных. В отделении начались чистки, какая-то непонятная и ненужная кадровая возня.

Аню не трогали, дураков и самоубийц на таких должностях не водится, но чуйка у меня работала в этом направлении серьезно.

Слишком морда у этого заведующего была пакостная. Таких мы в детдоме били. Просто так, превентивно, так сказать, профилактически. Чтоб сходу обозначить, в какую сторону не стоит пакостить, если что.

Но тут я не мог ударить... Верней, мог, естественно, но... Ане бы это не понравилось.

Да и повода новый заведующий не давал, на самом деле. А пакостную морду и иногда легкое раздражение Ани, вырывавшееся по его поводу, к делу не пришьешь.

Нет, если б она хотя бы намекнула, что не рада ему, что не хочет его видеть в своей больнице, я бы не церемонился. И заведующий мгновенно сменил бы род деятельности, даже несмотря на то, что был ставленником нового губера и имел лапу в столице.

Я эти толстые лапы очень даже неплохо обрубать умею...

Но Аня ничего не говорила, парни из группы слежения тоже не докладывали... А у меня внезапно нарисовались проблемы в бизнесе, впрочем, когда их не было-то? Постоянно то одно, то другое.

Потому заведующий был пристально изучен и оставлен в покое.

До поры, до времени.

А вот чиновник...

Он шерудил в больнице, проверяя нецелевое расходование госсредств, как раз в прошлом году выделенных отделению, парни докладывали с утра, что Аню в кабинете долго держал...

А потом уехал в гостиницу.

И следом, после короткого разговора с заведующим, в эту же сторону направилась Аня...

Парни за ней шли, особо не скрываясь, но Аня как-то умудрилась от них свалить по дороге, будь проклят тот день,

когда я ей машину купил!

Ездила бы на моей, с водителем, и все было бы нормально!

Но она так полюбила сама водить, лихачила на дороге немного, в меру, проявляясь в этой агрессивной манере полностью, что я не стал ограничивать...

И зря! Зря!

Догнали ее парни уже у входа в отель, успели сделать пару фото на всякий случай, а потом... А вот потом как раз Жека и расскажет...

Но после.

Все после.

А сейчас мне надо хоть немного снять стресс дикого, бешеного напряжения, которое я пережил только что, на мгновение всего допустив, что моя женщина может вот так, в отель, после разговора с начальством... Слишком хорошо я знаю, каким именно способом любят смягчать проверяющих чиновников на периферии!

Вопросы, вполне логичные, почему именно Аня, где мозги у ее руководства, и в какое место он потом планировал свалить, после всего случившегося, если оно реально было бы так, в голове вертелись, но не оставались, выжигаемые диким, никак не контролируемым яростным огнем ревности. Сумасшедшей, бешеной, безумной.

Я и не думал, что могу так.

Я вообще не думал, что способен такие эмоции испытывать, такую жгучую, полностью сносящую крышу потреб-

ность в ком-то.

И вот теперь, на отходняке, понимая, что делаю все неправильно, просто не могу тормознуть.

А Аня...

Она в какой-то момент поддается.

Тоже пройдя по тонкой грани, по струне нашего общего безумия.

Еще чуть-чуть, крошечный перекося – и было бы больно. Нам обоим.

Но перекося не происходит.

Происходит полное погружение в безумие.

Она стонет, моя женщина, совершенно моя сейчас и всегда, так жалобно, что кажется, будто упрасивает, молит остановиться.

Но стоит мне притормозить, как короткие, острые ногти впиваются в затылок до крови, причиняя сладкую, возбуждающую боль.

Не останавливайся, дурак!

Только не сейчас!

Она не говорит этого, она это кричит мне, всем своим существом, сейчас яростным, плохо контролирующим себя.

Она – сгусток огня в моих руках, обжигает, плавит!

Ее кожа, белая-белая – проклятое искушение, испытание моей выдержки, настолько сильно хочется невменяемо сдавить, оставляя как можно больше следов на ней – свидетельств принадлежности. Я хочу ее всю пометить собой, вез-

де, чтоб издалека каждый видел, чья она, и десятой дорогой обходил!

Но пока что отметины на мне оставляет она.

Несдержанно царапает шею, кусает губы, агрессивно и зло, вымещая на мне свое недовольство ситуацией. И собой. Тем, что она считает слабостью.

Тем, что я считаю любовью.

Мы вцепляемся друг в друга с такой яростью и голодом, словно не виделись сто лет, словно не были вместе буквально несколько дней назад, когда она с Аленкой приезжала ко мне на выходные и вечером молча открыла передо мной дверь своей комнаты...

Трещит одежда, распаленное дыхание наполняет комнату, диван, кожаный, холодный, неудобен, но плевать, на все плевать!

Я падаю на него, тяну ее на себя и замираю на мгновение, жадно всматриваясь в поплывший от возбуждения и злости взгляд. Смотрю в ее бледное лицо, отслеживая каждую, самую маленькую, эмоцию. И тону в безумии, моем, отзеркаленном ею.

Мы оба – больные, сумасшедшие.

И не я это придумал.

Но я это продолжаю и поддерживаю.

Просто потому, что лишь так можно хоть немного почувствовать себя полноценным.

Живым по полной программе.

Я не знаю, за что мне это все.

Я не знаю, как я жил бы, если б не познал это все.

Я люблю ее, эту бешеную, противоречивую, невероятно упрямую женщину. И мирюсь со всем, что она мне предлагает.

Не могу по-другому.

Она не позволяет.

Ты мне позволишь, ты мне отдашь?

Все, что хочу, что мне надо, как воздух?

Это лишь сон самый яростный наш,

Наш на двоих, пусть увиденный поздно.

Поздно для всех, для тебя и меня,

Поздно, но это не значит, что плохо.

Это не значит, что надо отнять

В легких весь воздух, до крайнего вздоха.

Нет, там не воздух, там медленный яд,

Он убивает, даря наслаждение.

Он воскрешает, все ночи подряд

им лишь дышу, наплевав на спасенье.

Мне наплевать, если будет не наш

вечер, и город, и небо... Серьезно:

Ты мне позволишь? Ты мне отдашь?

Мне это нужно, лишь ты – весь мой воздух...

3.10.24. М.Зайцева

Глава 8

Самое странное для мужика моего возраста: осознавать, что вот так дико, нелогично и бешено хочешь одну, конкретную женщину. У меня такой хрени никогда не было, даже в дурной и безбашенной молодости, когда мертво перло от любой юбки, не важно, какого возраста и веса эта юбка.

После тюрьмы тоже так башню не рвало, хотя оттягивался я от души, конечно. И в плане наказания тех, кто меня за решетку упрятал (дебилы, думали, что обойдется, даже из города не сразу свалили. Вот где инстинкт самосохранения у людей?), и в плане постельных развлечений.

Именно в те, на редкость тупые и кровавые, но веселые годы я и умудрился сделать сына одной из своих многочисленных проходных баб.

Причем, выбрал самую бедовую и недалекую, потому что она, узнав о залете, вместо того, чтоб идти ко мне за баблом на ребенка, зачем-то спешно свалила с глаз долой. Родила Ваньку, растила его, как могла, в каких-то лютых клоповниках, с миллионом левых мужиков, каждого из которых велела звать папочкой... Да еще и всякую хрень ему в уши пела о том, что папашка его, урод, ее изнасиловал. Я едва ведь сдержался, чтоб не кончить эту овцу, когда весь бред ситуации дошел в полном объеме. Устроила веселое детство моему сыну, дрянь безмозглая!

До сих пор, при одной только мысли, что, если б не Аня, я про сына так и не узнал бы, кулаки сжимаются, а сердце наполняется самой черной, самой жуткой злобой, которая, будь направлена на моих врагов, давно бы уже всех в пыль разметала.

Но с бабами я никогда не воевал, какими бы тварями они не были.

Потому и Тамара живет себе сейчас вполне сыто и даже счастливо. Правда, за ней серьезно смотрят, чтоб не бухала, не таскала лишних мужиков и, раз в неделю, когда ей позво-ляется видеться с Ванькой, была в нормальном состоянии и не расстраивала моего сына.

Почему она такое говорила ему про меня, почему вообще себя так повела, до сих пор загадка.

Та самая, которую я отгадывать не желаю.

Потому что женские мозги – это лабиринт. И все выходы в нем – тупиковые.

Я смотрю на Аню, расслабленно устроившую голову у меня на плече, поглаживаю бритый затылок, кайфуя от сладко-колкого ощущения коротких волосков под пальцами.

Она очень трогательная, моя дикая, неуступчивая женщина.

Тонкая шея, когда-то заморозившая меня своей изящностью и белизной, кожа, отзывчиво покрывающаяся мурашками от каждого моего прикосновения, нежное ушко с кучей сережек самого разного фасона. Мне нравится их трогать,

перебирать пальцами, словно четки, успокаиваясь и приминаясь с этим гребанным миром. Потому что в нем есть она.

Касаться линии татуировки под ушком...

Ловить запах от волос, настолько притягательный, что невозможно перестать вдыхать его. Я осторожно, чтоб не спугнуть, втягиваю теплый аромат, погружаясь в такую редкую для нас обоих сладость: спокойствия и тишины, блаженной сытости после яростной близости.

Мне уже не хочется что-то говорить, что-то предъявлять ей. Даже спрашивать ничего не хочу, настолько ценны эти мгновения.

После секса в Ане словно просыпается та нежная, ранимая и незащищенная девушка, которая все время живет внутри, прячась под маской холодной, рассудительной и жесткой женщины.

Та, что была со мной в нашу первую, спонтанную, бешеную ночь.

Я хотел ее, чего скрывать. С собой я всегда был более, чем честен.

Захотел еще там, в моем доме, когда в кресле увидел спящей.

Укрепился в своем желании, когда разговаривал с ней тем же вечером на кухне, смотрел, как яростно она защищает эту тварь, заставившую моего сына жить в наркоманском клоповнике.

Она что-то говорила, злобно сверкая глазами, а я... А я

изучал ее и лениво прикидывал в голове, что было бы, если б я сейчас просто подошел и толкнул ее к дивану в гостиной зоне.

Как бы она себя повела, такая смелая со мной, резкая.

Я давно не встречал женщин, раскрывающих рот в моем присутствии не для того, чтоб ублажить.

Отвык.

И в тот момент, рассматривая ее напряженное лицо, цепляя взглядом лихорадочно и чуть испуганно блестящие глаза, ловил редкий кайф от происходящего.

Аня что-то говорила, убеждала меня, не понимая, что все давно решено. И по Ваньке.

И по ней, собственно, тоже.

Осталось просто решить: сразу или чуть подождать?

Хотелось сразу, очень уж она распалилась, покраснела, и я представлял себе, как она будет краснеть в сексе. Как будет стонать. Двигаться. По всему выходило, что это должно было быть что-то интересное.

И в то же время инстинкты вопили подождать. Поприглядываться еще чуть-чуть.

Что-то было неправильно в ней, что-то не так.

Опасность, которую я чуял даже не мозгом, а нутряными, глубинными инстинктами уличного кота, привыкшего доверять не глазам своим даже, а малейшему дуновению интуиции, фонила в комнате. Вопросы, на которые я не мог получить ответы, напрягали.

Та информация, которую она принесла на флешке, из-за которой, по ее словам, преследовали моего сына, была спорной. Странной. И подтвердить ее было сложно.

Мои будущие партнеры, парни из администрации, мирно выпивающие на этих фотках с ближайшими соратниками Шишка, давнего и самого беспредельного из конкурентов... Это было что-то за гранью.

И очень-очень сильно отдавало подставой.

Снимки проверить на подлинность было нетрудно, учитывая технологии, и Серый уже этим занимался, но это тоже дело не пары часов.

Документы, также валявшиеся на флешке, говорили о том, что мой план по работе с заводом известен не только заинтересованным лицам, но еще и парочке других... Тоже теперь заинтересованных.

И время шло даже не на дни, а на часы.

И вот в таком цейтноте еще и думать о том, как бы опрокинуть на спину потенциальную шпионку... Не особо умный ход.

Но я в тот момент не мог полностью переключиться на дело.

Почему-то не мог.

Потом, после, гораздо после, уже совершив все ошибки, какие только возможно, я пойму, что мертво запал на Аню еще в тогда, чуть ли не в нашу первую встречу. И потому бесился, понимая, что неправильно себя веду, что не стоит

хотеть в постель подсадную утку. Мало ли, для чего послана?

Может, прирезать меня в кровати?

Странно, почему эти все мысли не тормозили, а еще больше распаляли?

Наверно, я уже тогда немного поехал крышей.

Настолько, что не выдержал и прощупал ее на предмет дополнительных постельных обязанностей. Если бы Аня была засланкой от Шишка, то сто процентов согласилась бы. Почему нет? Это – самый простой способ подобраться ко мне ближе.

Я ставил примерно пятьдесят на пятьдесят, что согласится.

И, когда отказалась, испуганно дрогнув ресницами, даже расстроился. Немного. Вероятно, у нее было другое задание.

Вероятно, она – умнее и хитрее, чем показалось с самого начала.

Я проводил ее до комнаты, с удовольствием глядя на напряженную спину, понимая, что она ощущает мой плотоядный взгляд и боится.

Закрыл за ней дверь.

И усмехнулся.

Мне было интересно.

Тогда я думал, что это – всего лишь интерес.

Глава 9

– Тагир, что это было? – моя женщина не была бы моей, если б не умела быстро восстанавливаться. Словно кошка, падающая с высоты и несколько раз перекувыркнувшаяся... И на четыре лапы, да.

– Секс, – пожимаю я плечами, прекрасно зная, как ее бьют вот такие очевидные ответы на неочевидные вопросы.

На всякий случай прижимаю ладонь сильнее к податливой гибкой пояснице, удерживая Аню на месте на тот случай, если решит взбрыкнуть. А она запросто может именно так решить. Коза неуступчивая.

С самого начала такая ведь!

Боялась, дрожала под моим взглядом от страха, а все равно упрямо задирала подбородок. И глазами своими сверлила, душу насквозь дырявя.

Поясница под моими пальцами напрягается. Очень предсказуемо, да. Применяю силу. Тоже предсказуемо.

Сопит, пару секунд борясь со мной, а затем затихает. Смирившись, но не сдавшись.

Приподнимается, кладет остренький подбородок мне на грудь, шурит свои ведьмовские глаза.

– То есть, ты появился здесь, затолкал меня в этот кабинет на глазах у всего отеля, потому что тебе приспичило? Извини, Тагир, не поверю.

Не отвечаю, затягиваясь посильнее и выдыхая дым в потолок. Не верит, ее право. Пусть.

Главное, чтоб не вырывалась. Может, мне тогда удастся утащить ее домой и поиметь еще раз. И еще. И пофиг, что рабочий день полетит в одно место...

– Тагир, на тебе лица не было, когда меня увидел...

Черт... Ну почему бы ей не побыть мягкой кошечкой, для разнообразия, а не гордой сиадкой, которая скорее тебе пальцы отгрызет, чем даст погладить?

Как мне так свезло-то?

– На работе напряги... – обтекаемо отвечаю я. И провожу ладонью чуть ниже поясницы. Намекая. Все же, такие моменты, когда мы лежим, обнявшись, и за окнами не ночь, редки. Хочется воспользоваться по полной. Еще разочек хотя бы.

– И опять я при делах?

Да чтоб тебя!

Хочется зарычать от досады!

Аня слишком остро воспринимает любое упоминание о моих делах, почему-то до сих пор считая меня криминальным авторитетом. А я давно уже белый и пушистый настолько, что самому от себя смешно!

Весь бизнес – легальный, насколько может быть легальным бизнес у нас, конечно же.

Никаких боев, драк, стволов в машине! По крайней мере, в таких местах, куда могут добраться дети.

Охрана – честные парни из личного охранного агентства, мной отобранные, с приличными не уголовными мордами, натасканные не отсвечивать и быть максимально корректными!

Для всего города Тагир Харазов – образец респектабельности! Всех несогласных с моими новым статусом давно уже на кладбище свезли!

И только Аня до сих пор презрительно кривит губы, стоит упомянуть про мои дела, и настоятельно шарахается от любого предложения.

И от того самого, которому любая баба в этом городе будет рада, в том числе.

Я к этому уже привык, смирился, прошел все стадии, вплоть до принятия. Даже к психологу ходил за этим делом, да. И теперь знаю про стадии и про то, что я – в принятии...

И чего ей еще надо-то?

Раздражение поднимается мутной волной и выливается в необдуманных словах:

– Ты всегда при делах! Потому что моя!

Аня дергается и взвизывает на ноги с такой скоростью и яростью, что не успеваю удержать!

Стоит пару секунд, глядя на меня злобно, а затем молча принимается одеваться. Хватает джинсы, ищет белье, не находит, шипит сквозь зубы ругательство, натягивает джинсы прямо на голое тело.

Я сажусь, застегиваю брюки, рубашку, ищу взглядом курт-

ку. Все это мы проделываем молча, не глядя друг на друга.
Как обычно, полностью ладим мы только в постели. А вне ее – колем друг друга острыми гранями.

Я – тоже не подарок, и мягкий и пушистый лишь для общественности.

А Аня... Она никогда не была легкой.

Мы не уживаемся на одной территории, в одном городе, да.

Но это не значит, что я ее когда-то отпущу от себя.

Внезапно Аня останавливается, смотрит на меня, жестко сузив глаза.

А я изучаю ее футболку, под которой просвечивают темные бусины груди. Лифчик она тоже не нашла. Надо будет заставить накинуть джинсовку и застегнуть ее, чтоб не пялились... Глаза же вырву...

– Тагир, так дальше продолжаться не может, – выдыхает она, видно, решившись на разговор. Я подаюсь вперед и кладу локти на колени, пристально изучая ее взволнованное лицо. В который раз ты уже это все говоришь мне, Аня? И, главное, зачем? Думаешь, это что-то поменяет в моем отношении?

– Тагир, я так не могу больше.

Она смотрит на меня, моя беда, моя самая главная проблема в жизни. Моя женщина.

И снова говорит то, что мне не нравится. То, что я не хочу слушать. Но слушаю.

Я всегда ее слушаю.

– Так не может больше продолжаться, понимаешь? – повторяет она, принимаясь взволнованно ходить по комнате и сжимать руки в кулаки, – ты с ума совсем сошел. Ты ловишь меня здесь, явно что-то происходит, но ты не говоришь... Такое постоянно, постоянно! Я не хочу больше так! Я не хочу бояться за Ваньку, за Алену! А с тобой мы все время в опасности! Не будет по-другому! И сейчас... Что-то ведь закручивается, да? Да? Как скоро ты снова запрешь нас в доме, словно в тюрьме? И устроишь охрану? Отпусти уже нас! Мы уедем, слышишь? Просто уедем туда, где нас никто не будет знать...

Она замолкает и останавливается напротив, явно ждет от меня каких-то слов. А я не могу ничего сказать.

Потому что она права. Я сошел с ума.

Сразу, как ее увидел.

И до сих пор не могу прийти в себя.

Аня говорит разумные, с ее точки зрения, вещи. И хочет уйти.

Но она не понимает, что этому не бывать.

Что она моя.

Дочь – моя. Сын – мой.

Они все – мои.

И я за них готов любого на клочки порвать.

Я хочу ей это сказать, но молчу. Такие вещи не говорят. Такие вещи доказывают.

Делом.

Глава 10

– Тагир, клянусь, я думал, это она!

Жека сжимает кулаки и невольно подается назад, не сводя с меня затравленного взгляда. Боится, тварь.

Хотя, я вообще ничего не делаю, сижу просто, смотрю на него.

Миша, вон, за моей спиной, куда опасней. Сопит, как медведь, гневно и шумно, того и гляди, кинется.

А я...

Я не кинусь.

Я его просто в пыль разметаю. Но потом. Когда узнаю имя заказчика. Потому что прошли те времена, когда я бросался на противника без раздумий. Еще в щенячьей юности прошли, оставив после себя только ноющее на погоду запястье, да холодный жар в крови. Он мутит, не дает нормально себя контролировать, и я привычно сцепляю зубы, силой давя в себе боевое безумие. Оно хорошо только на ринге, куда я уже лет пять не выходил, да когда перед тобой однозначный враг, тот, которого уже можно без сомнений гасить. А такого я тоже уже довольно давно не встречал.

Своего последнего кровника, посмевшего забрать то, что принадлежало мне, то, что было в этом гребанном мире дороже всего, я даже не ударил ни разу. Хотя хотел. Видит бог, как хотел!

Но в тот момент, когда мы встретились лицом к лицу, важнее всего была безопасность Ани и Ваньки. И маленькой Аленки, про которую мы не знали еще, что это именно Аленка. Девочка. Дочь.

Осознание того, что они в опасности, в лапах сумасшедшего уroda, возомнившего себя богом на моей земле, крыло бешено и страшно. Но я, как всегда в моменты такого острого безумия, балансировал на грани. И не смел думать о плохом.

Если бы с Аней, Ванькой или моим ребенком, еще только едва-едва начавшим жить в Анином животе, хоть что-то случилось, то я бы... Тогда бы мне было на все плевать. И зверю во мне, тому, которого всю свою сознательную жизнь держал на цепи, тоже. Нам бы просто незачем было жить в таком случае.

Но пока была вероятность, что с моими родными все в порядке, и их просто где-то держат, я имел в себе силы разговаривать. Произносить слова, складывать их в предложения. И мучительно давить в себе дикое желание вцепиться в рожу мертвеца. Еще дышащего и портящего воздух. Но уже мертвого. Сдохшего в тот момент, когда он просто подумал, что может взять мое.

Он сдох позже, в тюрьме. И очень, просто очень паршивой смертью.

А я получил полный отчет об этом.

После я долго и тщательно расчищал пространство вокруг

себя. Потому что от этого зависела безопасность моих родных.

И, что бы там Аня ни воображала, сейчас рядом со мной им с Аленкой и Ванькой ничего не грозит. Вообще ничего.

Я так думал.

До этого момента.

И вот сейчас, глядя в испуганные глаза отловленного при попытке сесть в рейсовый пригородный автобус Жеки, я понимаю, что что-то где-то проглядел.

Опять.

И опять мне надо рыться, искать корни происходящего.

– Кто заказал? – коротко прерываю я блеяние Жеки, а сам всматриваюсь в его лицо, в очередной раз поражаясь, что нужно таким тварям? Ведь все есть. По бабкам – не скуплюсь вообще. По должности – вперед, только с песней. Заслужил, заработал – получи.

Какого хрена им все неймется?

Чего не хватало Серому, твари, предавшей меня, подставившей перед Аней тогда, шесть лет назад?

Бабла?

Как выяснилось, именно бабла. И это ударило сильнее всего. Потому что Серого я знал еще пацаном. Таким же, как я и был когда-то, детдомовским волчонком. Вытащил его с улицы, доверял. Сделал своей правой рукой практически... А он...

Он тоже кричал, что не виноват. Что бес попутал. Что...

Еще что-то там кричал.

А я смотрел на него и вспоминал глаза Ани, в нашу последнюю встречу. Когда, уверенный в том, что она – тварь, шпионка московских, которые и стояли за Шишком, я все же не смог сдержаться, не смог себя остановить.

Слишком больно мне было почему-то.

Слишком остро.

Я смотрел на нее и видел перед собой змею, радужную, дьявольски заманчивую, искрящуюся на солнце драгоценной игрушкой. Той игрушкой, которую хочется забрать себе. Спрятать у сердца подальше от чужих глаз.

А она тебя жалит в благодарность, за то, что поделился своим теплом, отдал часть своей души. Жалит так, что мертвым себя чувствуешь сразу же.

И все, что ты делаешь потом, ты делаешь уже мертвым.

Я должен был ее закопать там же, в доме, в ту же секунду, как Шишок посоветовал оглядеться по сторонам, в поисках крысы, посмотреть в близком окружении. А Серый сунул липовые данные экспертизы, что в принесенных Аней фотках – липа.

Из этого было кристально ясно, что Аня – тварь, а я – лох, пригревший змею на груди.

Тварь нужно было закопать.

И я шел, чтоб это сделать.

Шел и запрещал себе думать о нашей единственной ночи, безумной и, как мне казалось, искренней. По крайней мере,

с моей стороны.

Потому что змее хватает одной секунды, чтоб в самое сердце.

Ане тоже не понадобилось много времени.

Я шел, а в груди болело, отмирая, то, что, казалось, давно уже мертвое. Она оживила. Она и убила.

Глава 11

Тоскливые глаза Жеки возвращают в реальность, мою сегодняшнюю реальность, которая – полное следствие той, давней ошибки.

Не тупани я тогда, перепроверь все еще пять раз, закажи отдельное, дополнительное исследование принесенных Аней файлов на их подлинность... Не было бы этих гребанных шести лет вытягивания нервов по нитке, ее бледного холодного взгляда в тот день, после того, как я повел себя неправильно, по-скотски повел.

И ведь не оправдаешься тем, что я ее на тот момент еще пожалел! Что будь кто другой, я бы...

А ее отпустил. Помял, конечно, жестко, не смог сдержаться. Выместил на ни в чем не повинной девочке свою злобу на тварь-судьбу, в очередной раз показавшую свой тваринный оскал.

А еще обиду свою и разочарование. Не Аней даже, нет. Собой.

Я же тогда, себя унижая, покупал ее.

Знал, что подлая змея, что спит, наверняка, или с Шиш-ком, или с кем из московских. И что после кого-то из них в мою постель легла. От осознания этого мутило голову таким жесткачом, что все, кто был рядом, просто кеглями отскакивали от меня в разные стороны!

И все равно, несмотря ни на что, предложил Ане остаться.
И готов был платить.

Пусть продажная шкура, пусть! Я заплачу! Потому что за-
села в сердце, куснула, яд свой распространяя по телу, не
вытравишь!

Это была агония.

И мне хотелось ее продлить. Самоубийство. Я понимал
это. И не желал останавливать ничего.

Первый раз со мной такое было.

Первый и последний.

Я не знаю, что делал бы, если б Аня тогда... Согласилась.

Если бы она, после той жести, что я с ней сделал в постели,
после моих слов, моих обвинений, сказала "да"...

Верней, знаю. Конечно, знаю.

Она бы мне полностью руки развязала этим.

И Тагир Хазаров стал бы худшей версией того Хазара, ко-
торым мамыши пугают детишек в нашем городе. Холодной,
расчетливой тварью, умело идущей по головам и закапыва-
ющей всех, кто косо посмотрит, в ближайшем подлесе. И
это не фигура речи вообще!

Я бы не отпустил Аню.

Пока не наигрался бы. Пока не получил от нее все, все те
эмоции, которых так жаждал. А потом... Потом бы я играл
с ней просто потому, что она позволила. Она дала мне эту
власть над собой. Она оказалась той шкурой, которой нель-
зя верить. Лишний раз подтвердила мою теорию о том, на-

сколько мир вокруг паршивый.

Только теперь я понимаю, что сделала Аня тогда, шесть лет назад, отказавшись от меня и моего щедрого, в кавычках, предложения.

Буквально плюнув мне в морду.

Развернувшись и гордо выйдя за ворота тем утром.

Она мне жизнь подарила.

Она меня мне подарила.

Себе сделала больно, потому что я глаза ее помню. И ночью той. И утром, когда с Ванькой прощалась, зная прекрасно, что больше не увидит его никогда. Что я не позволю. Она не стала обвинять в их расставании меня, придумала какую-то историю, в которую Ванька, лишний раз доказывая, что вообще не дурак, не поверил. Но обиделся. Потому что ребенок. И потому что Аня – первая, кто поверил ему, полюбил его так, как мать должна любить.

И он ее полюбил. И потому не захотел прощать предательство. А он считал, что она его предала тогда.

Мой сын в этом очень похож на меня.

Ане трудно пришлось.

С нами обоими.

Но она справилась, моя женщина. Навсегда моя.

Женщины мудрее мужчин. Они умеют не только слепо ненавидеть, яростно мстить, больно бить в самые уязвимые места. Но и прощать. Терпеть бесконечно. Любить самозабвенно. И дарить тебе жизнь. Во всех ее проявлениях.

Я не верил в это. Не думал об этом.

До появления Ани в моей жизни.

И вот теперь какие-то уроды пытаются снова использовать ее в своих целях. Чтоб добраться до меня.

Эти уроды не понимают, что Аня – не мое уязвимое место. Она – мое самое сильное место. Несмотря ни на что.

Но это не значит, что я не вкопаю в землю любого, кто попытается посмотреть на нее косо.

Шевелю пальцем, и Миша срывается с места.

Отворачиваюсь, перевожу взгляд на окно, прикуриваю, особо не вслушиваясь в хруст, звуки ударов и утробный вой за спиной.

Я не наслаждаюсь страданиями других, что бы там про меня не терли в городе. Но часто сила – единственное, что понимают твари, решившие, что они хитрее всех.

– Хаза-а-ар... – ноет Жека, – за чтоо-о-о?... Я же никогда...
Никогда...

Мне не интересно, что он там никогда.

Никогда не предавал?

Все бывает в первый раз.

Хруст становится интенсивней, и я думаю, что Мишу пора тормозить, а то перестарается. Нет в нем меры, нет понимания момента.

Был бы тут мой друг Каз, большой умелец раскалывать людей на мелкие детали, даже особо не применяя силу, чисто на одном запугивании и ловле на нестыковках в легендах, то

все бы было быстрее. И бескровней.

Но Каз умотал со своей женой в Европу, на какую-то выставку. Верней, выставлялась его женщина, довольно известная у нас в городе и не только в городе художница, а Каз тупо не отпустил ее одну. Он вообще с нее глаз не сводил ровно с того момента, как увидел. И правильно делал, кстати. Молодец.

Я, вот, ступил. А он не до такой степени параноик, да.

И теперь, как результат, его женщина с ним, любит его, утешает ночами, ждет дома, греет постель. Родила детей.

А я...

А я расплачиваюсь за свои грехи.

– Хаза-а-ар...

– Миша, – негромко зову я, и мой помощник понятливо снижает градус общения.

За спиной становится тихо.

Подозрительно тихо. Поворачиваюсь, вздыхаю про себя.

Картина маслом: Жека валяется на полу в собственной кровище и соплях, Миша с невозможно удивленным видом стоит напротив.

– Это... Хазар... – растерянно бормочет он, – я того... Не сильно и ударил...

Смотрю на чуть подрагивающие ресницы Жека. Притворяется, твареньш.

Но с Мишей поделиться этим наблюдением не успеваю, в дверь аккуратно скребутся.

– Тагир, ты говорил, соединять... – в приоткрытую дверь просовывается рука с телефоном.

Смотрю на абонента.

К месту, да.

– Слушаю.

– Тагир, – на всю комнату разносится голос подчиненного Жеки, Володи, – ты просил проверить счета... Я тебе скинул, смотри подробно транши от вчерашнего и третьего дня. Контрагентов тоже вычислил. Они в прикреплении. Прямо сейчас посмотри, это важно.

Отключаюсь, открываю присланные файлы. Читаю.

Закрываю.

Присаживаюсь на корточки перед по-прежнему притворяющимся Женьком:

– Знаешь... Я с бабами не воюю... Но для тебя сделаю исключение.

Он открывает глаза, и столько в них ужаса, что, будь я послабее нервами, прямо посочувствовал бы.

Но мне на его нервы плевать.

А вот на то, что с моих счетов бабло сливалось в один интересный карман, не плевать.

А еще интересней, кто же это Жеку прихватил на горячем и заставил сделать то, что он сделал?

И, черт, надо все-таки звонить Ару и вытаскивать его зад из теплого семейного гнездышка. Потому что в моей империи завелись крысы.

И надо их ловить.

Глава 12

– Ну ты даешь... Ты вообще с нее не слезаешь, что ли? – Каз ржет с экрана ноута, а ощущение, что прямо тут, в кабине, находится.

– Не твое дело, – хмурится Ар. Он вообще тему постельных побед не любит, а уж если дело его рыжей кошки касается, то прямо крайне сурово не одобряет. Ревнивый, как и все мы.

– Ну да, – Казу, как обычно, глубоко похер на суровое неодобрение кого-либо, он продолжает стебаться, не уймешь. Даже у меня не всегда с первого раза получается его приземлить, чего уж про остальных говорить, – Лялька-то там как, живая еще? На стену не полезла с двумя? Учитывая такие новости?

– Ляля в порядке, – хмурится Ар, – пацаны тоже.

– Крестник мой рад скорому прибавлению? – интересуется Каз, уже успокаиваясь после новостей и прикуривая.

– Пока не в курсе они, – отвечает Ар, – вам первым говорю.

– С хороших новостей начал, брат, – кивает Каз, – с правильных.

– А теперь к нашим баранам, – правильно понимает его Ар, – смотри, я только сегодня проверил дополнительно... Каз, тебе это нахрен не интересно будет, тут выкладки и гра-

фики отслеживания контрагентов... Я прямо перед отъездом добил, потому сейчас по ходу дела все и поясню. Хазар, смотри...

Я поворачиваю экран второго ноута к себе, Каз в это время мирно дымит, посматривая на нас с Аром. За спиной Каза видно окно, большое, панорамное. И город за ним угадывается, окутанный мягкой дымкой.

Все совершенно нереальное. Полное ощущение, что кадр из фильма смотрю, а мой друг и практически брат в нем – в роли харизматичного итальянского мафиозо. Коппола обзавидовался бы...

Ар, чуть щурясь, принимается кликать мышкой, попутно объясняя мне детали, на которые я бы никогда внимания не обратил.

А вот он обратил.

Каз курит и слушает Ара так, словно рядом с нами сидит, в соседнем кресле.

Новые технологии – это финиш, конечно. Скажи мне кто еще пятнадцать лет назад, что можно вот так, в онлайн режиме, по видеосвязи общаться с человеком, находящимся за две тысячи километров от тебя, я бы сильно удивился...

А сейчас ничего, все привычно уже даже.

С Казом мы регулярно созваниваемся, с Аром – тоже. Линия эта защищенная до невозможности, хотя, учитывая как подставил меня твареныш Жека... Никому верить нельзя. Вообще никому.

Кроме вот этих двоих.

И еще Ани.

Хотя... Как выясняется, Ане-то я и не верю. До конца не верю, в смысле. Недавняя глупая ситуация, когда мной, по сути, манипулировали, словно щенком молочным, показала это во всей красе.

Если бы верил, не мотанулся бы, забыв про все на свете, про все дела и встречи, в тот поганый отельчик, не вломился бы в номер к левому мужику, не умирал бы от ужаса и осознания конечности своей, как оказалось на контрасте, вполне хорошей жизни, рассматривая за матовым стеклом душевой знакомую тонкую фигурку...

А я все это сделал.

И только теперь осознание случившегося накрывает с головой.

Меня пытались поймать.

Кто-то, кто прекрасно знает мое отношение к Ане. Знает, что я помчусь к ней, не думая, не прикидывая, теряя осторожность и последние мозги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.